

К БИОГРАФИИ А. Д. КАНТЕМИРА

В 1731 году Антиох Кантемир получил назначение на дипломатический пост резидента в Англии. Этот факт по-разному истолковывался дореволюционными историками и литературоведами. Одни видели в нем проявление милости Анны Иоанновны к молодому Кантемиру, столь активно и решительно содействовавшему восстановлению ее самодержавной власти в начале 1730 года. Другие, напротив, расценивали это назначение как благовидный предлог для удаления из России сатирика, творчество которого в немалой степени досаждало «сильным глупцам». В советское время последняя точка зрения решительно возобладала и стала общепринятой. Она, безусловно справедлива, но, как это ни странно, до сих пор не обоснована фактическими доказательствами и существует на правах более или менее вероятной гипотезы.

Между тем имеются факты, позволяющие решить этот вопрос с полной определенностью. К их числу в первую очередь следует отнести очень важное свидетельство Гуаско — друга и биографа Кантемира. По сообщению Гуаско,¹ идея удаления Кантемира из России родилась в среде придворных противившихся усилению влияния Кантемира при дворе Анны Иоанновны. Их встревожило, в частности, решение Анны Иоанновны наградить Антиоха, его двух братьев и сестру деревнями. В этом они видели начало благосклонного отношения императрицы к молодому Кантемиру, уже проявившему свои выдающиеся политические качества в событиях начала 1730 года.

В стремлении удалить молодого сатирика из России сошлись, с одной стороны, князь Дмитрий Голицын и ряд других придворных, а с другой стороны — всевластный временщик Бирон. Если Голицыным руководили

¹ Ввиду важности этого сообщения приводим его в оригинале: «Ce commencement de faveur effraya les Courtisans, et sur-tout le Prince Gallitzin, Beau-Pere de Constantin, Frère aîné d'Antiochus, qui craignoit que celui-ci n'employât son credit pour revendiquer les Terres, qui avoient été injustement élevées. On persuada a l'Imperatrice de l'envoyer dans quelque Cour estrangere en qualite de Ministre. Cette Princesse, qui ne cherchoit que des occasions de le recompenser, crut qu'on lui faisoit cette proposition de bonne foi. Mais l'extrême jeunesse du Prince Cantemir, tenoit un peu sa resolution en suspens. Le Comte Biren, appellé autrement Biron, Duc de Courlande, qu'elle honoroit depuis longtemps de ses bontes, et qui étoit Tout-Puissant a la Cour, acheva de determiner l'Impératrice. „Que l'age du Prince Cantemir ne vous fasse point de peine, lui dit-il, je le connois, et je reponds de sa capacité.“ (Satyres de monsieur le prince Cantemir. A Londres Chez Jean Nourse, 1749, стр. 56—58).

вполне ясные корыстные побуждения (боязнь пересмотра дела о наследстве молдавского господаря, несправедливо решенного Верховным тайным советом под давлением Голицына в пользу его зятя Константина Кантемира), то Бироном руководили другие мотивы, родственные тем, которые вызвали с его стороны гонения на В. Н. Татищева: стремление удалить самостоятельных и способных русских деятелей, чтобы обеспечить полную свободу действия для «немецкой партии», состоявшей из невежественных проходивцев и авантюристов.

Учитывая роль, сыгранную Кантемиром при воцарении Анны Иоанновны, его враги вынуждены были действовать крайне осторожно и скрывать свои истинные намерения под видом стремления к пользе Кантемира. С этой целью был выработан план удалить из России Кантемира под предлогом назначения его на высокий дипломатический пост. Однако молодость Кантемира, едва достигшего тогда 22 лет,² служила весьма значительным препятствием для осуществления этого, ибо в дипломатической практике того времени назначение на пост резидента (да еще в Англию!) в таком возрасте было явлением совершенно беспрецедентным.

Настойчивость и уловки, употребленные для преодоления этого препятствия, меньше всего свидетельствуют о проявлении «заботы» о карьере Кантемира. Они лишь подчеркивают лицемерный характер действий его недоброжелателей. Из сообщения Гуаско видно, что Бирон, восхваляя достоинства Кантемира перед императрицей, смущавшейся возрастом кандидата, имел заднюю мысль преодолеть ее колебания и добиться удаления сатирика из России под почетным предлогом.

Лицемерный характер похвал, расточаемых правящей верхушкой двора достоинствам Кантемира, особенно явственно вырисовывается из следующего документа, не использованного еще в биографической литературе о Кантемире. Мы имеем в виду одно из писем английского резидента Рондо своему двору о содержании беседы между Рондо и И. А. Остерманом по поводу назначения Кантемира в Англию.

В этом письме (от 15/26 ноября 1731 года) Рондо писал: «Князь Молдавский (Валахский), назначенный в Англию, обедал у меня несколько дней тому назад с графом Остерманом и еще несколькими знатными особами здешнего двора. Князь кажется очень молодым, но он человек здравомыслящий, говорит по-французски и на нескольких других языках. На мое замечание по поводу его молодых лет граф Остерман отвечал, что ему двадцать в семь лет, что он человек весьма достойный, а что касается его возраста, то это не имеет значения для ведения дел между двумя дворами, так как он <т. е. Остерман, — Э. Г.> и я сможем их вести здесь».³

Из этого письма видно, во-первых, что Остерман, недавний тогда иностранными делами, преувеличил возраст Кантемира (указав 28 лет), во-вто-

² Мы считаем датой рождения Кантемира, согласно его собственным свидетельствам, 10 сентября 1709 года (А. Д. Кантемир, Сочинения, т. I, СПб., 1867, стр. 159). Вопрос о назначении Кантемира решался осенью 1731 года.

³ «The prince of Valachia, who is named to go to England, dined with me some days ago with count Osterman and several persons of distinction of this court. He seems to be very young, but is a man of good sense and speaks french and several other languages. When I observed to count Osterman that Her Majestys intended minister was very young, his excellency told me he was eight and twenty and a person of great distinction, and that as to his age, that was not hing, for what was to be done between the two courts — he and I could do it here» (Сб. ИРИО, 66, 1889, стр. 392). — Разрядка наша, — Э. Г.

рых, что Бирон, Остерман и другие, добиваясь назначения Кантемира, на самом деле не только не исходили из соображений его пригодности к предназначенной ему службе, но даже не намеревались воспользоваться теми выдающимися способностями, какими он действительно обладал и которые они расхваливали как перед императрицей, так и перед английским резидентом.

Бирон, Остерман и другие в этих своих действиях руководствовались не мотивами государственной пользы, а личными интересами, продиктованными их недоброжелательством к молодому сатирику. Со всей решительностью необходимо подчеркнуть политическую подоплеку этого недоброжелательства. Несомненно, что основной тактической целью «немецкой партии», пришедшей к власти вместе с Анной Иоанновной, было раздробить силы той политической группы, которая содействовала уничтожению олигархической власти Верховного тайного совета и имела основание претендовать на руководящую роль. Для достижения этой цели Татищев и Кантемир, наиболее серьезные политические противники, были удалены от двора под благовидными предлогами, Феофан Прокопович — задобрен и приручен, тем более, что его интересы в определенной плоскости — в борьбе против церковных соперников — совпали с интересами «немецкой партии». А. М. Черкасский и И. Ю. Трубецкой — наиболее бесхарактерные, нерешительные в политическом отношении личности — были возвышены и превращены в послушные орудия Бирона и Остермана. Не без умысла, очевидно, был оставлен на время при дворе и активнейший деятель Верховного тайного совета — Дмитрий Голицын, видимо, предназначенный служить политическим противовесом группе Татищева — Феофана — Кантемира для того, чтобы не позволить лагерю русского дворянства консолидировать свои силы против немецкой группировки.⁴

Таков в свете приведенных фактов подлинный смысл назначения Кантемира на пост резидента в Англию.

Переписка Рондо с Гаррингтоном позволяет уточнить, когда был решен вопрос об этом назначении. 25 октября (5 ноября) 1731 года Рондо писал, что императрица еще не назначила своего уполномоченного, что подходящее лицо подыскивается, а 4/15 ноября 1731 года он сообщал Гаррингтону, со слов Остермана, о намерении императрицы назначить сына бывшего молдавского господаря.⁵ Стало быть, вопрос решился между 25 октября и 4 ноября 1731 года. Дата официального назначения установлена биографами: 26 декабря 1731 года,⁶ а 1 января 1732 года Кантемир уже выехал из Москвы.

Как же отнесся Кантемир к своему назначению?

⁴ Об отношении Остермана к А. Кантемиру свидетельствуют также письма княжны Марии Кантемир к брату. 13 июля 1733 года она писала: «Я была у Остермана и просила о прибавке вам содержания. Он, по обыкновению, обещал мне многое и сказал, что он истинный ваш друг и, по мере возможности, печется о вашем благе. Мне пришли тогда на ум брянские вотчины. Что же касается его доброты, то бог, видимо, внушил ему делать пользу другим, чтобы от них получать благодеяния» (И. Шимко. Новые данные о кн. Антиохе Кантемире. . . ЖМНП, 1891, № 6, стр. 266). 20 марта того же года она писала: «Вам нечего опасаться немцев, так как Миних в опале» (там же, стр. 260). Хотя из текста письма невозможно установить суть дела, но ясно, каково было отношение «немцев» к Кантемиру, если последнему приходилось опасаться их.

⁵ Сб. ИРИО, 66, 1889, стр. 388—390.

⁶ См. вводный очерк В. Н. Александренко в книге: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. V.

Судя по цитированному свидетельству Гуаско, Кантемиру была известна оборотная сторона той «высокой чести», которая ему была оказана. Тем не менее на первых порах он принял ее с радостью, надеясь путешествием и жизнью за границей удовлетворить свою жажду к знаниям и расширить свой научный кругозор.⁷ Но уже вскоре (с 1733 года) в письмах к родственникам и друзьям в Россию Кантемир выражает желание возвратиться домой, отказаться от дипломатической службы. В последние годы он неоднократно официально просил об этом, но, как известно, так и не получил разрешения.

---

⁷ См. биографический очерк Гуаско (*Satyres de monsieur le prince Cantemir*, стр. 58—59). Следует принять во внимание, что Гуаско, сообщая приведенные выше факты, основывается на свидетельствах самого Кантемира, что придает его сообщениям особую ценность.